

ВЧЕРАШНИЕ ХЛОПОТЫ О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

Деда Витя спит

Ходит деда Витя по июньскому огороду,
Смотрит, как проклевывается зеленуха.
Где нарвет лука пучок, где пощипает щавель.
Свое завсегда вкуснее, скажет любая стряпуха.

Вокруг деда Вити, как муха, жужжит суббота:
Где-то колют дрова, где-то мекают козы.
Хорошо курнуть после вскопанной грядки или обеда.
Дедой Витей жизни давно уже заданы все вопросы.

И не только вопросы заданы, но и ответы получены:
Кроме родины, родины нет, а смерти не миновать.
На ужин зальет деда Витя рожки с колбаской яичкою,
Пожарит, поест под новости, затем наконец-то спать.

На столе хлеб в пакете и одинокий укропный хвостик
В лунном свете сияют, темнеют, точно холмы и поля
Деда Вити морщин, он, ошибок и свеклы бессменный садовник,
Что-то хочет сказать в своем сне и не может сказать.

Урожай

Падают рыжие яблоки – одно, а за ним другое.
«Совсем на котенков похожи!» – смеётся Любка.
Поднимет с земли, увидит мушиное крылышко там, травинку,
Оботрет о пока что плоскую грудь, о серую мамкину юбку.

Каждому цветку весна, каждому дереву – срок.
Вырастет Любка, станет, как и бывает в жизни всегда, Любовью:
Рыжие яблоки ярких веснушчатых щек.
Честно родит семерых, выживут только трое.

Екатерина Симонова родилась в 1977 году в Нижнем Тагиле. Окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Публикации в журналах «Урал», «Новый мир», «Новый Берег», «Интерпоэзия» и др. Автор шести книг стихов и книги переводов. Предыдущая публикация в «Волге» – 2023, № 11-12.

Яблоню срубят, засадят картофелем поле:
Яблоки – баловство. Всё отцветает, даже Любовь.
Но, улыбаясь, выходит из темного дома
Внучка Надежда, и все повторяется вновь.

Семья

На куске чёрного хлеба – чесночная долька.
На столе во гробу лежит братик Колька.
Руки, как чеснок, от грязи жизни наконец-то отчищены.
От чего умер, сказать сейчас будет лишнее.

За столом сидит сестра наша Марта.
Родилась в апреле, умрёт, намаявшись, в конце мая.
Сестра Марта в белом платке, с глазами чёрными,
Как чёрствый хлеб на поминках Колькиных.

Не отрываясь, смотрит глазами колючими, как будто сухарики,
На Кольку брата, Надькиного сударика.
На Колькином пиджаке взглядов целая уже горка,
Вот только от Надькиных слез намокла.

У Надьки в ушах качаются золотые кольца –
Хоть попугай в них сиди, хоть мальчиши-жонглерцы,
У Надьки от Кольки остались Борька и Лиза,
Живут они все в Екб, на ВИЗе.

Елизавета стоит позади матери –
В траурном кружевном платочке, который спадывает.
Не умеет такие платки носить молодёжь –
Ты пока не понимаешь. Ну, вырастешь и поймёшь.

А вот Борьки сейчас здесь нету –
Они с отцом с год как уже, ну, того-этого –
Не сошлись в политических взглядах или на жисьь,
Но это больше навек не важно. «Коля, очнись!» –

Кричит Надька, но Колька её не слышит.
Сестра Марта берет неожиданно тоном выше.
Завтра разъедемся: ссоры, заботы, в саду опять же прополка.
Хорошо, что мы есть друг у друга – пусть ненадолго.

Жизнь как она есть

Людмила Павловна живёт потихоньку, рóстит фиалки в горшках.
Ест на завтрак кусочек хлебушка и творожок.

Мучает ее старость: грыжи, артрит, геморрой.
Ветерок каждый день за окном дует в латунный рожок.

Людмила Павловна внучке звонит ежедневно, ворчит:
«Замуж пора, как без мужа в твои двадцать пять?»
Внучечка стонет: «Бабушка, что за глупости, перестань».
Бабушка не перестает: «Да как же без мужа, Ань?»

Людмиле Павловне перестал быть понятным мир:
Внучка без мужа, внук без жены.
Дочка Наташа, мать их, красится (а ей уже писят шесть!),
Вадик, Наташин муж, прожигает зря жизни тяжёлые дни:

Любит поесть шашлыков, не любит грядки копать –
Разве приличные люди-то так живут?
Павловна снова вздыхает и снова звонит:
Надо успеть всё исправить, пока она ещё тут.

Варит компоты, солит капусту и огурцы:
«Только они нас и спасали в шестидесятых зимой!»
«Странные эти дети войны...» – морщится внук,
Но берет обязательно пару банок домой.

Ляжет однажды Людмила Павловна, чтобы больше не встать.
Женится внук, зять вместо тещи грядки начнет копать.
Наташа на память фиалки себе заберёт, из кармана вытащит телефон:
«Аня, ну как же не стыдно без мужа в твои тридцать пять?»

Малиновое варенье

Варит второй день Ольга варенье,
Отмахиваясь от мух назойливой жизни.
В этом году малины поспело много.
Малиновое варенье никогда не бывает лишним.

Лиля выщипывает слишком густые брови,
У других бровка как серп, а у неё – снопище!
Бросает пинцет на стол, тут же берет снова:
Даже и после смерти растут, дурищи.

Ольга выключит плитку, закроет кастрюлю.
Вот и ещё один день закончился без тревоги.
Красная ветка качается в раме оконной.
Переливаются за окном рыбы и козерогои.

Ольга и Лиля садятся ужинать, как обычно.
Хорошо, что с земли сюда долетают лишь мухи.
«Знаешь, Лиля, они там внизу опять что-то не поделили.
Хорошо быть, Лиля, умершею старухой».

Лиля разламывает лепешку, берет миску со свежим вареньем,
Отпивает чаю сначала раз, а затем ещё дважды:
«Оля, да какая же ты, мне ответь, старуха?
В твоём-то всегда новом платье из синего трикотажу?»

Долго ещё они пьют чай, наблюдают
За тем, что с живыми где-то внизу происходит.
Ольге с Лилей известно то, что живые не знают:
Жизнь, что ни делай, впустую всегда проходит.

Имбирный пряник

Анна Коврова выходит в подъезд, как будто в Аид –
В подъезде опять свет не горит.
Впрочем, на улице никак не светлее –
Атмосферные аномалии уже надоели.

В серых глазах Анны отражается снежный апрельский силов.
Но это теперь глаза тускло серые – раньше они искрились.
Раньше рыжие волосы Анны на ветру развевались как пламя.
Такая девушка не могла не привлечь Вячеслава.

Вячеслав ухаживал так, как Серов о постели из роз пел песню.
Анна мечтала быть с Вячеславом всегда вместе.
Но время во все мечты вносит свои коррективы:
Розы убрало время, а вот шипы – забыло.

Где ты, любовь, затерялась, в каком пиджачном кармашке?
На что ты похожа: на пряник имбирный к обеду или же на бумажный
Пакетик, в котором лежит этот имбирный пряник –
Крафтом шуршит и ароматами манит?

Коврова выбирается из троллейбуса и поднимается на крыльцо.
Намокают от снега ресницы, сияет от влаги лицо.
Анна не видит, но она сейчас вся серебряная и золотая:
Как бесценная ткань, серебрятся глаза и рыжая чёлка сияет.

Анна стучит ботиночкой о ботинку.
Страхивает с рукавов капли, сдувает с души пылинку.
Из тёмного зева жизни выходит под электрический свет:
Счастья, конечно, нет, зато есть в двенадцать обед.

Рождество

Лепили пельмени, как будто детишек,
Ели пельмени, как будто детишек,

Мазали сметаной нежные ушки,
Запивали водкой, не чокаясь.

Нежная тестяная кожа,
Свежий фарш с луком, перцем и солью,
Холодная водка кажется тёплой от сытости,
Пельменный пар оседает слезами на лицах.

Год начинался, как будто заканчивался:
С такой усталостью ели и пили.
Вытирали щеки и губы рукавами и полотенцами,
Просили ещё и ещё добавки.

Остатки пельменей морозили впрок на балконе,
Ложились в постели с тяжёлыми животами и лёгким сердцем,
Лепили детишек, как будто пельмешки,
Просыпались утром, чтобы снова поесть.

Смерть Ивановны

Побелила потолок – с синькой, как полагается.
Легла на чистенькую постель.
Смотрит на потолок Ивановна, улыбается:
Как-то даже и помирать теперь веселей.

Ходят по потолку – по беленькому, но будто голубенькому
Тени уток, сохнувших на улице простыней, облаков.
На ногах у Ивановны хенд-мейд – носочки вязаные,
На стене напротив кровати – фотография трех рыбаков:

Черно-бело смеются, показывают ей большую рыбину.
Отец Иван, муж Василий, Анатолий – подросток-сын.
Что же вы женщину-то одну оставили?
Первый умер, второй ушел, а третий – за ним.

Кому напечь горячих шанежек, рассольник сварить?
Кому положить под ноги холодные ковричек пестрядинный?
На кого с утра до ночи ворчать, за кем ходить,
О ком не мечтать, потому что в окошко и так видно,

Как дрова колет, чинит сарай, курит с соседом,
Заходит в кухню, спрашивает «Есть чо поесть?»
Бывает, и в ухо даст, но любя, мы же сейчас не об этом,
Мы же сейчас о том, как радостно было здесь –

*В краю рек, впадающих одна в другую, как в ножны меч,
Вместе продолжающих течь вперед,
Пока не иссякнут глубокие воды, не стихнет знакомая речь
На берегах их, вмерзших в нерусский лед.*

Перед грозой

Екатерина Сергеевна едет к родителям в гости.
Маме везёт торт, папе – бутылку водки, карамельки-конфеты.
От жары расплывается свет, будто черты лица
Екатерины Сергеевны в этом июньском свете.

За окном электрички пейзаж расстилается, как оренбургский платок:
Тут цветочное поле, там прореха забытой деревни,
Екатерина Сергеевна смотрит в окно и думает о своем,
Мысли ее кусаче-скучны, как зимние детские гетры.

Дяденька через ряд говорит про девяностые и мáсквичей.
Девушка рядом с ним поправляет, не слушая, светлую прядку.
Мальчик за псом бежит сквозь храпящий вагон.
Едут все дружно куда-то, чтобы вернуться обратно.

Екатерина Сергеевна проезжает шиповник, березы и гаражи.
Екатерина Сергеевна приезжает в Невьянск, покупает беляш на вокзале.
Пьяненький мужичок спрашивает: «Зовут как, красавица? Не молчи».
Но красавица молча проходит, сыто и странно вздыхая.

«Предупреждаем, случится гроза!» – шлёт смс МЧС:
Может, сегодня случится кара господня, может быть, завтра.
Екатерина Сергеевна поднимает глаза на тревожные облака
И стирает жирное пятнышко с губ своих красных.